

главие статьи	О ПЕРИОДИЗАЦИИ ВСЕМИРНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ
Автор(ы)	В. Я. ГРОСУЛ
Источник	Российская история , № 3, 2007, С. 122-139
Рубрика	<ul style="list-style-type: none"> • Дискуссии и обсуждения
Место издания	Москва, Россия
Объем	80.7 Kbytes
Количество слов	10409
Постоянный адрес статьи	http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/12163855

О ПЕРИОДИЗАЦИИ ВСЕМИРНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Автор: В. Я. ГРОСУЛ

Без обоснованной периодизации история как наука теряет одну из важнейших своих особенностей. При всей неизбежной условности и закономерной относительности периодизация исторического процесса влечет за собой необходимость вычленения наиболее характерных его периодов, отражающих самые существенные этапы жизни общества. Периодизация невозможна без четких критериев и требует предельной объективности и устойчивых методологических ориентиров. Но обращение к всемирной историографии показывает, как на протяжении тысячелетий менялись исследовательские подходы, как одна периодизация сменяла другую, какие при этом происходили зигзаги и повороты и как та или иная социально-политическая обстановка влияла на конкретные исторические труды и проводимые в них идеи. И тем не менее без периодизации историческая наука существовать не может, предохраняя исследователя от субъективизма, который является, пожалуй, главным ее врагом. Более того, без периодизации не могут обойтись и те историки, которые проповедуют концепции индетерминизма, случайности, хаотичного нагромождения исторического материала.

Напомним узловые моменты в процессе выработки научного подхода к периодизации всемирной и отечественной истории.

Геродот с его верой в решающую роль в человеческой жизни силы неумолимого рока попытался объять в своих изысканиях период протяженностью в 3 с лишним столетия. При этом он выделил (скорее всего произвольно) отдельные периоды истории родной Греции и стран Востока, прежде всего Персии. В поле зрения Фукидида попала фактически только Пелопонесская война, которую он делит на несколько периодов. Считая главнейшей задачей историка "отыскание истины"¹, он, в отличие от Геродота, уделяет особое внимание критической оценке источников, выявлению причин и поводов исторических событий. Не отрицая существования божественных сил, Фукидид отвергает непосредственное вмешательство богов в исторические события. Будучи современниками, Геродот и Фукидид олицетворяли и разные методологические подходы, хотя понятия не имели о методологии как таковой. Полибий фактически ввел понятие "всеобщая история" и излагал ее по Олимпиадам. "Римский Геродот" Тит Ливий посвятил написанию "Римской истории от основания города" почти половину своей отнюдь не долгой жизни. При этом он излагал историю Рима по годам - от его основания до I в. до н.э.

Другие античные авторы тоже оставили богатое наследие, представляющее интерес и с точки зрения оригинальных подходов к проблемам периодизации². Уже в греко-римской историографии существовали разделение фактов и вымысла и безусловное требование достоверности исторического материала. Шел поиск общих черт и отличий в истории различных стран и народов, а также причин исторических событий, причем уже хорошо заметны хронологический, проблемный и даже стадильный подходы к периодизации истории³.

Гросул Владислав Якимович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

стр. 122

В средние века историческая мысль претерпела определенный регресс по сравнению с античной эпохой, однако были и достижения. В постантичное время весьма популярна стала периодизация истории по четырем монархиям - Ассирийской, Мидийской, Персидской и Македонской (позже к ним добавилась Римская). Она, например, получила отражение в "Хронике" Оттона Фрейзингенского, где изложены события мировой истории до 1146 г., и в других сочинениях. Оттон Фрейзингенский продолжил традиции Августина Блаженного с его концепцией борьбы земного и божественного начал и предрек грядущий конец земного мира⁴, однако его концепция не была оригинальной. Исследователи давно доказали, что у истоков концепции четырех мировых монархий стояли труд греческого историка V-IV вв. до н.э. Ктесия "Персия", а также сочинения пророка Даниила, римского историка Помпея Трога, Иеронима, а затем и Павла Орозия, ученика Августина. Среди многих христианских авторов этой эпохи было распространено мнение, согласно которому Римская империя будет последним государством на земле и его уничтожение приведет к торжеству царства Божьего⁵. При этом, конечно, нельзя закрывать глаза на сочинения других средневековых авторов. Была своя традиция у византийских и некоторых церковных историков Западной Европы, где пробивала себе дорогу периодизация по трем "мировым эпохам" в соответствии с тремя ипостасями божественной Троицы.

Гуманистам принадлежит великая заслуга в создании светской науки и в решительном разрыве с феодально-теологической трактовкой исторического процесса. Именно они первыми выдвинули понятие "средневековье" (*medium aevum*), противопоставив его античности, а также заявили о начале Новой истории. Понятия древней, средней и Новой истории вошли с тех пор во всемирную историографию и распространились, хотя и не сразу, почти по всем странам. Жан Боден, выдвинувший положение о том, что общество складывалось независимо от воли людей, под влиянием естественной среды, и отстаивавший идею общественного прогресса, издал в 1566 г. книгу, где уже фигурирует деление исторического процесса на Древнюю, Среднюю и Новую историю⁶. Уже в XVII в. эта периодизация стала широко известной и популяризировалась в западноевропейских университетах. Сложности возникали, однако, при определении конкретных дат, разделяющих эту триаду. В вышедшем в 1685 г. в университете в Галле учебнике Келлера всемирная история делилась на древнюю до начала правления в Римской империи Константина Великого, средневековую - до 1453 г., т.е. до падения Константинополя, и новую. Эта периодизация была довольно распространена, но впоследствии ей стали противопоставляться и другие датировки. В историографии США начальной датой новой истории считался 1492 г. - дата открытия Америки Х. Колумбом. Вообще в истории

Америки эта дата переломная и занимает особое место в типовых учебниках по истории государства⁷.

Гуманисты вкладывали в свою периодизацию всемирной истории особый смысл. Например, исходный момент новой истории они усматривали в зарождении светской науки и культуры в эпоху Возрождения, хотя единой точки зрения по этому вопросу среди гуманистов не сформировалось. Однако их важный вклад в историческую науку заключался не только в предложении новой периодизации. В трудах Н. Макиавелли, Ф. Гвиччардини, Ф. Патрици и особенно Д. Вико, жившего на рубеже XVII-XVIII вв. утвердилась концепция циклизма. Кроме того, Вико основательно разработал концепцию исторического круговорота и предложил свою периодизацию всемирно-исторического процесса⁸. По его мнению, он делился на период "звериного" состояния людей, когда, собственно, еще и не было истории, "век героев" (эпоха феодализма и жестокой борьбы феодалов и плебейства) и "век человечества" - время республик, разума и расцвета культуры. Далее, по мысли Вико, следует упадок и история начинается сначала.

Во второй половине XVIII в. появляется и термин "цивилизация"⁹. Видный представитель этой эпохи, один из идеологов Просвещения И. Г. Гердер в своем главном труде "Идеи к философии истории человечества" предлагает читателю довольно сложную историко-философскую конструкцию. Несомненный сторонник общественного прогресса, Гердер последовательно исследует эпоху античности и затем переходит к исто-

стр. 123

рии феодализма, которую доводит до XIV в., рассматривая средневековье как закономерный и прогрессивный этап в развитии человечества, не соглашаясь со многими мыслителями эпохи Просвещения, оценивавшими это время как период досадного регресса¹⁰.

Младшим современником Гердера был французский мыслитель А. де Сен-Симон. Он вошел в историю как социалист-утопист, хотя был в то же время и социологом и историком. При этом каждую новую общественную систему Сен-Симон рассматривал как более прогрессивную по сравнению с предыдущей. Он мечтал об обществе, построенном на расцвете науки и индустриальных производительных сил, что позволило бы удовлетворить все основные потребности личности, распределяя материальные блага по способностям. Учение Сен-Симона дополнили его ученики, прежде всего С. -А. Базар и Б. -П. Анфантен, выдвинувшие лозунг уничтожения частной собственности и эксплуатации человека человеком и принцип "каждому по способностям, каждой способности - по ее делам". К новому строю они стремились перейти постепенным и мирным путем¹¹.

Сен-Симон и его последователи создали новую стадиальную концепцию, в которой просматривается 5 больших этапов истории: первобытный, рабовладельческий, феодально-сословный, промышленный с наемным трудом и этап, который должен исключить всякую эксплуатацию человека человеком. Последний этап ни у самого Сен-Симона, ни у его учеников социализмом еще не назывался. Этот термин, по всей вероятности, впервые использовал в 1834 г. бывший сен-симонист, а в дальнейшем считавший себя продолжателем дела Сен-Симона Пьер Леру, назвавший одну из своих статей "Об индивидуализме и о социализме"¹². Характерно, что термин "социализм" появился раньше понятия "капитализма", хотя слово "капитал" существовало уже давно, а история реального капитализма насчитывала столетия. По мнению исследователей,

термин "капитализм" раньше всех, по-видимому, применил Луи Блан¹³, первое крупное сочинение которого "Организация труда" было опубликовано в 1839 - 1840 гг.

Термин "формация" впервые использовали К. Маркс и Ф. Энгельс, взяв его из геологии. Этот термин означал принципиально новый шаг в развитии стадийной теории исторического процесса. Маркс развивает учение о соотношении производительных сил и производственных отношений и говорит об азиатском, античном, феодальном и буржуазном способах производства. Положение об азиатском способе производства вызвало дискуссии¹⁴, но последователи Маркса и Энгельса впоследствии развивали положение о 5 социально-экономических формациях. К тому же сами основоположники марксизма выдвинули тезис о том, что "буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества"¹⁵ и ее сменит коммунистическая формация, основанная на общественной собственности на средства производства и на товарищеском сотрудничестве свободных от эксплуатации трудящихся. Ф. Энгельс в работе "Происхождение семьи, частной собственности и государства" не применял понятие "азиатский способ производства", введя вместо него термин "первобытнообщинный строй". Маркс и Энгельс выдвинули также положение о двух фазах коммунизма. Их наследие во многих странах и особенно в Советском Союзе легло в основу периодизации исторического процесса.

Параллельно и нередко вопреки марксистской периодизации появились и получили распространение другие хронологические и методологические подходы. Количество таких направлений столь велико, что даже простое их перечисление заняло бы значительное место. Упомяну лишь наиболее распространенные из них. На первом месте здесь стоит так называемый цивилизационный подход. Сначала он шел от эпохи цивилизации, которая пришла на смену эпохе варварства, но затем это понятие стало применяться в совокупности с термином "культура". В этой связи следует назвать книги известного французского историка Ф. Гизо "История цивилизации в Европе" и "История цивилизации во Франции". Из наиболее видных "цивилизационщиков" можно отметить Ж. А. Гобино, выделившего 10 цивилизаций, Г. Рюккерта, Н. Я. Данилевского, Ф. Бэбби, исследовавшего 9 главных цивилизаций и 29 периферийных, К. Квингли, вы-

стр. 124

делившего в развитии цивилизаций 7 стадий, и ряд других ученых. К их числу следует отнести современного автора С. Хантингтона, считавшего, что в современном мире существует до 7 крупных (западнохристианская, восточнохристианская, исламская, буддистско-конфуцианская, японская, латиноамериканская и африканская) и ряд мелких цивилизаций, и предсказавшего конфликт между ними¹⁶. Особенно следует отметить работы английского историка А. Тойнби, идеи которого поддержали не столько на Западе, сколько в нашей стране. Автор 12-томного "Исследования истории", Тойнби поначалу был сторонником циклизма, но затем от него отошел¹⁷. В своей работе он поставил вопросы: почему возникают цивилизации, почему и как они развиваются и почему в конечном итоге погибают. Тойнби предложил 2 классификации цивилизаций. В соответствии с первой он насчитал 31, а в соответствии со второй - 34 цивилизации, выделяя среди них и так называемые недоразвившиеся и окаменевшие. По представлениям Тойнби, человечество движется от локальных цивилизаций к единой всечеловеческой цивилизации, конечной всеобщности. При этом он неоднократно менял свои подходы и количество цивилизаций у него колебалось от 100 до 13. Один из оппонентов Тойнби английский историк Р. Дж. Коллингвуд, отнюдь не марксист и более

того - идеалист, признавая его "невероятную эрудицию" и тонкую историческую интуицию, критикует своего земляка по двум направлениям. Во-первых, по мнению Коллингвуда, у Тойнби "сама история, исторический процесс разделены резкими границами на отдельные взаимоисключающие части. При этом отрицается непрерывность процесса, та непрерывность, в результате которой каждая часть истории прекращается и входит в другую". Второе и главное его замечание заключалось в том, что "процесс как целое и историк тоже противопоставлены друг другу". В результате, по Коллингвуду, "прошлое вместо того, чтобы жить в настоящем, как это имеет место в истории, мыслится как мертвое прошлое, каким оно является в природе"¹⁸.

Эти замечания Коллингвуда могут быть обращены и ко многим другим сторонникам цивилизационного подхода, которые испытывали серьезнейшие трудности, подбирая объективные критерии для определения той или иной цивилизации. Они явно проигрывали сторонникам формационной теории при создании четкой схемы исторического процесса, хотя у "формационников" тоже были свои проблемы. Признавая, что в чистом виде не существует ни одна из формаций прошлого, они не всегда учитывали всю сложность исторического процесса, пытаясь вычленять главное, пренебрегая порой особенным. Тем не менее, отрешаясь от крайностей обеих теорий, следует признать научность того и другого подхода, которые не случайно стали главными в XX в., наложив свой неизгладимый отпечаток и на конструирование соответствующих периодизаций. В той или иной степени они нашли отражение при написании известных всемирных историй В. Онкена, И. Пфлуг-Хартунга и В. Гетца в Германии, Э. Лависса и А. Рамбо, Л. Альфана и Ф. Саньяка, Г. Глотца, Э. Кавеньяка, Ж. Пиренна во Франции, трех серий так называемой "Кембриджской истории" в Англии, из которых 12 томов были посвящены Древней, 8 - Средневековой и 14 - Новой истории.

Кроме формационного и цивилизационного подхода в исторической науке Нового и Новейшего времени есть и другие. Свои подходы были у Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, М. Вебера - сторонников экономического, биологического или географического детерминизмов, проводников концепции индустриального общества или сторонников многофакторного (плюралистического) подхода с соответствующими периодизациями. Не имея возможности остановиться на этом вопросе более подробно, отсылаю читателя к капитальной монографии Ю. И. Семенова "Философия истории".

Однако особый разговор о периодизации отечественной истории. О российской исторической науке в полном смысле слова можно говорить лишь с начала XVIII в. Это ни в коей мере не умаляет значения и достоинств исторических трудов более раннего периода, начиная с "Повести временных лет" и заканчивая "Скифской историей" А. И. Лызлова. И зарождение русской гражданской литературы, связанное с именем А. Д. Кантемира, и появление первого научного труда обобщающего характера по русской истории В. Н. Татищева нельзя рассматривать вне контекста петровских преобра-

---

зований. Татищев получил по тем временам неплохое образование и имел солидный жизненный опыт, обратив на себя внимание Петра I. В своей "Истории Российской с самых древних времен" он не только попытался разобраться в закономерностях развития человеческого общества, но и предложил собственное понимание исторического процесса с позиций "умопрощения". Он был первым в отечественной исторической науке, кто дал общую периодизацию истории своей страны. Первый этап ее, который Татищев

называет господством единовластия, он определяет 862 - 1132 гг. (до кончины сына Владимира Мономаха Мстислава), после чего наступил новый этап феодальной раздробленности, время нарушения единовластия (1132 - 1462 гг.). На смену ему в 1462 г. пришло восстановление этого единовластия, связанное с началом правления Ивана III¹⁹.

Татищев был убежденным сторонником самодержавия, и эта установка не могла не оказать воздействия на его периодизацию истории. Сам же труд Татищева повлиял на последующие работы по истории России. Ни в коей мере не умаляя роли исследований М. В. Ломоносова, делившего русскую историю на 6 периодов, М. М. Щербатова и других исследователей, я усматриваю следующий этап в разработке периодизации русской истории в известном многотомнике Н. М. Карамзина. Его издание стало знаменательным событием в отечественной историографии, свидетельствуя о выходе исследования истории России на новый уровень. Уже в предисловии к своему фундаментальному труду Карамзин подчеркивал: "Если всякая История, даже и неискусно писанная, бывает приятна, как говорит Плиний, [то] тем более отечественная". А несколько далее он писал, что "личность каждого тесно связана с Отечеством: любим его, ибо любим себя... Имя русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона. Всемирная история великими воспоминаниями украшает мир для ума, а российская украшает Отечество, где живем и чувствуем"²⁰.

Уже в предисловии Карамзин дает и свою трактовку периодизации истории России. Сделал он это довольно своеобразно, обратившись к периодизации русской истории, сконструированной А. Л. Шлёцером, к которому он относился с большим пиететом. Как пишет Карамзин, в соответствии с этой периодизацией история России от 862 г. до Святополка должна быть названа *рождающейся*, от Ярослава до монголов (у Карамзина Моголов) - *разделенною*, от Батыея до Ивана III - *угнетенною*, от Ивана III до Петра Великого - *победоносною* и от Петра до Екатерины II - *процветающею*. Далее историк вступает в полемику со Шлёцером, называя его периодизацию более остроумной, чем основательной. Век князя Владимира Святославича Карамзин считает веком могущества и славы русского государства. Переходя к третьему периоду по Шлёцеру, Карамзин выступает против соединения в одном периоде времени правления великого князя Дмитрия Александровича (сына Александра Невского) и Дмитрия Донского; при первом господствовало безмолвное рабство, а при втором - победа и слава. Касаясь четвертого периода по Шлёцеру, Карамзин счел нужным отметить, что век самозванцев "ознаменован был более злосчастьем, нежели победою". Пятый период Шлёцера Карамзин оставил без комментариев.

Сам же автор "Истории государства Российского" выделил три периода и прямо заявил, что такое деление не только лучше и истиннее, но и скромнее. Первый период (от Рюрика до Ивана III) Карамзин назвал древнейшим, второй (от Ивана III до Петра I) - средним, третий последний - новым. Каждому из этих периодов, или эпох, он дал соответствующую характеристику. Первую эпоху Карамзин называет системой уделов, вторую характеризует как единовластие, третью подает как время изменения гражданских обычаев²¹. Таким образом, историк предпочитает периодизацию по времени правления князей, и первый том "Истории государства российского" охватывает время от Рюрика до конца правления князя Владимира, а последний, 12-й, доведен до 1611 г.

"История" Карамзина имела уже при жизни автора огромный резонанс, но уже тогда у нее появились критики в лице А. С. Пушкина, декабриста Н. М. Муравьева, а также Н. А. Полевого, явно противопоставившего свою 6-томную "Историю русского на-

---

рода "Истории государства Российского", и др. Появились затем и иные работы по русской истории, где предлагалась своя периодизация.

Не закрывая глаза на труды М. П. Погодина, Н. И. Костомарова и других русских историков, особое внимание, конечно, следует уделить периодизации истории в трудах С. М. Соловьева - крупнейшего отечественного историка XIX в. Как и Полевой, он противопоставлял свои работы "Истории" Карамзина, ставшей уже официальной и поддерживавшейся лично Николаем I. Примечательно, что уже в первом томе "Истории" Соловьева, который вышел в свет в 1851 г., т.е. еще при жизни этого русского императора, его автор продемонстрировал свое, весьма оригинальное отношение к периодизации отечественной истории: "Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, - писал Соловьев, - но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснять каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию, - вот обязанность историка в настоящее время, как понимает автор предлагаемого труда"²². Далее он выделяет разные этапы отечественной истории, отмечая ее особенности со второй половины XII в., обращает внимание на переход родовых отношений между князьями в государственные, останавливается на значении событий конца XVI - начала XVII вв., дает оценку первым Романовым и отмечает тесную связь российского XVII в. с первой половиной XVIII, подчеркивая, что разделять их нельзя. Затем Соловьев выделяет период со второй половины XVIII в. и останавливается на современных ему событиях.

Знакомство с каждым из томов труда Соловьева, доведенного до 1775 г., позволяет выявить и детали периодизации многотомника. Автор уделяет большое внимание предыстории создания государственности и сочетает проблемный подход с хронологическим, уделяя все-таки особое внимание датам правления князей и царей, но не обходя при этом и так называемых переходных периодов. Специальные главы он посвящает событиям при внуках Ярослава I (1093 - 1125 гг.), борьбе между сыновьями Александра Невского (1276 - 1304 гг.), а периоду правления В. Шуйского он посвятил 2 главы.

Соловьев останавливается на периодизации русской истории и в ряде других работ. Интересно, что в большой статье под названием "Август Людвиг Шлёцер" он касается уже упоминавшейся периодизации немецкого историка. Перечисляя 5 периодов, выделенных Шлёцером, Соловьев подчеркивает, что "с такого чисто внешнего деления по необходимому закону должна была начаться наука"²³. Сам он выступает, однако, против внешнего деления и провозглашает примат внутреннего развития и необходимость изображать характеры действующих лиц в соответствии с той эпохой, в которой они жили. Возвращается Соловьев к проблемам периодизации истории России и в "Учебной книге русской истории", которую в хронологическом плане доводит до 1850 г.

Вершиной русской дореволюционной исторической мысли стали труды В. О. Ключевского. Интересно, что в своем "Курсе русской истории" первую лекцию он посвятил методологии истории, а во второй довольно подробно остановился на вопросах периодизации, связывая ее со славянской колонизацией Восточной Европы. По Ключевскому, "переселение, колонизация страны были основным фактом нашей истории, с которым в близкой или отдаленной связи стояли все другие ее факты"²⁴. Он выделяет период с VIII по XIII в. и характеризует его как время Руси Днепровской, городской, торговой. Далее следует период с XIII до середины XV в., названный историком временем

Руси Верхневолжской, удельно-княжеской, вольно-земледельческой. Следующий период, по Ключевскому, - это время с середины XV до второго десятилетия XVII в., когда можно говорить о Руси Великой, Московской, царско-боярской, военно-земледельческой. Последний, четвертый период всероссийский, императорско-дворянский в курсе Ключевского датируется началом XVII - первой половиной XIX в. Вновь перечисляя эти периоды, в которых "отразилась смена исторически выработывавшихся у

стр. 127

нас складов общежития"²⁵, он называет их *днепровским, верхневолжским, великорусским и всероссийским*.

Исследователи наследия Ключевского уже давно подчеркнули, что, в отличие от своих предшественников, он решительно порвал с традицией рассматривать историю России по царствованиям, когда в основу периодизации было положено политическое начало. Ключевский выводит становление государства из жизненной практики народа и его сознания²⁶. Конечно, он не обошел истории царствований наиболее видных монархов вплоть до Александра II, но в основе изложения исторического материала все-таки всегда была его 4-звенная периодизация, к которой он затем неоднократно возвращался и давал отдельным периодам дополнительные характеристики. Оценивая, например, последний, четвертый период своего курса, датированный 1613 - 1855 гг., Ключевский характеризовал его не как один из периодов нашей истории, а как "всю нашу *новую историю*"²⁷, избрав в качестве его конечной вехи вступление на престол Александра II, а не реформу 1861 г.

Говоря о периодизации отечественной истории, нельзя хотя бы не упомянуть и отечественных специалистов по всемирной истории. Всеобщей историей занимались и Соловьев и, хотя и в меньшей степени, Ключевский. Но была и целая плеяда историков зарубежья, которую нельзя не принимать во внимание, поскольку они тоже оказывали влияние на историков России. Не имея возможности подробно остановиться на их трудах и подходах к периодизации истории, скажу о работах крупнейшего русского "всеобщника" XIX в. Т. Н. Грановского, который считал рубежом между Средневековой и Новой историей открытие Америки и начало реформационного движения в Германии.

Говоря об учебно-методической литературе дореволюционной России, следует отметить, что авторами учебников были такие крупные российские историки как Соловьев, Ключевский, И. И. Белляринов, М. М. Богословский, С. Ф. Платонов и др. Но наиболее распространенными стали учебники Д. И. Иловайского, выдержавшие десятки изданий. К Иловайскому еще до 1917 г. сложилось несколько ироничное отношение. Широко был распространен термин "иловайщина" и имя его еще при жизни стало нарицательным. Даже в дореволюционных справочных изданиях он характеризовался как автор тенденциозный, консервативный и крайне националистический²⁸. Но Иловайский получил специальное историческое образование в Московском университете, учился у Грановского и Соловьева, сам был историком-исследователем. Известен он трудами по истории Рязанского княжества, крупной работой "История России" и др. Большое внимание было обращено к нему в последние, постсоветские годы.

Время с I в. до н.э. по IX в. н.э. Иловайский относил к предистории Руси, далее у него шел киевский период (X - XII вв.), владимирский - XII - XIII, московско-литовский - XIV-XV вв., московско-царский - XVI - конец XVII вв. (в него входила Смута, которую он

датировал 1603 - 1613 гг.), т.е. до царствования Петра I. В своих "Кратких очерках русской истории", которые в 1875 г. вышли уже 15-м изданием, началом русской истории Иловайский называет IX в. Далее у него идут разделы "Развитие удельно-веческой системы" охватывающий 1113 - 1212 гг., "Монгольское иго" с 1224 по 1340 и др. Последние разделы учебника Иловайский составил по царствованиям, пытаясь показать характерные черты правления Павла I, Александра I и Николая I. Иловайского почти не интересовали проблемы методологии, и он практически не учел наработки в этой области таких видных русских методологов, как Н. И. Кареев, А. С. Лаппо-Данилевский, М. М. Хвостов, Л. П. Карсавин и др., без трудов которых уже нельзя было обойтись при периодизации не только всеобщей, но и отечественной истории²⁹.

Учебники и учебные пособия в тогдашней России носили официальный или официозный характер. Но существовала и литература иного плана, которая печаталась обычно или нелегально, или за пределами страны. К числу редких исключений относятся, например, известные "Исторические письма" П. Л. Лаврова, изданные легально и выдержавшие к 1917 г. несколько изданий. Видный революционер-народник С. М. Степняк-Кравчинский в 1885 г. издал за границей на английском языке свою книгу "Россия под властью царей", переведенную позднее на русский язык. Особого внимания заслу-

стр. 128

живает ее первая часть под названием "Развитие самодержавия", состоящая из 9 проблемных глав. В ней особое внимание уделяется истории общины, вечевому началу, Новгородской республике и Запорожской Сечи. В XI и XII вв., по мнению Степняка-Кравчинского, на Руси преобладал ультрадемократический строй, который в течение 300 или 400 лет превратился в деспотизм, а в XIII и XIV вв. наблюдается наибольшее развитие московского самодержавия³⁰.

"Рассказы из русской истории" - книга известного народника, а впоследствии эсера Л. Э. Шишко, как и книга Степняка-Кравчинского, носила популярный характер, но была в еще большей степени нацелена на изучение жизни простого народа. При этом проблемно-хронологический подход сочетается у Шишко с изложением исторического материала по царствованиям, хотя настрой книги был явно антимоноархическим. Литература подобного плана в самой России тогда имела ограниченное хождение, но она привлекает сегодня внимание не только своей оппозиционной направленностью, но и тем, что как бы предвосхитила издания, увидевшие свет после 1917 г.

Советская историческая литература отнюдь не была полным отрицанием прежних работ по истории. Кстати, многие видные советские историки - В. П. Волгин, Н. М. Дружинин, Н. М. Лукин, С. Д. Сказкин, М. Н. Тихомиров и др. - получили специальное историческое образование еще до Октябрьской революции 1917 г. Еще задолго до Октября стала появляться в России и марксистская историческая литература, а также выделившиеся из нее большевистские издания. До революции выходили труды М. Н. Покровского, М. С. Ольминского, Ю. М. Стеклова и других видных большевиков. Еще в 1907 г. выпустил свою книгу "Теория исторического материализма" будущий известный советский античник А. И. Тюменев. Значительное внимание уделял истории Г. В. Плеханов. Примечательно, что книга Бельтова (Плеханова) о материалистическом подходе к истории вышла в свет легально в Петербурге еще в 1895 г. Ссылаясь на Маркса и Энгельса, он писал, что "критерием идеала служит экономическая действительность"³¹. Будучи сторонником формационного подхода к истории, Плеханов уделял значительное

внимание ее периодизации. Интересно, что, обращаясь к "Истории немецкой национальной литературы" Г. Клуге, он отверг предложенное им деление этой истории на периоды, заявив: "Нам оно кажется *совершенно эклектичным*, т.е. построенным не на основании одного принципа, что является необходимым условием всякой научной классификации и деления, а на основании нескольких, несоизмеримых принципов"³². Неоднократно обращался к проблемам истории и В. И. Ленин³³. Историю России эпохи феодализма он подразделял на три основных этапа - Древнюю Русь, Средние века, или эпоху московского царства, и так называемый Новый период русской истории примерно с XVII в. Как важный этап в развитии российского общества Ленин рассматривал преобразования Петра I, неоднократно обращался к крестьянской реформе 1861 г. и к проблеме перехода от феодализма к капитализму в России. Широкое распространение получила ленинская периодизация российского освободительного движения, которое он также делил на три периода, теория империализма и т.д.

Труды Плеханова и особенно Ленина оказали сильнейшее влияние на советскую историческую литературу. Без учета их сочинений теряется ключ к ее пониманию, но, обращаясь к советским изданиям по периодизации истории, нужно отметить, что и в рамках единой марксистской методологии с ее формационным подходом сохранялись разные подходы. М. Н. Покровский свою "Русскую историю в самом сжатом очерке", первые две части которой вышли в свет в 1920 г., строил на основе прежних, еще дореволюционных исследований. Но теперь он уделял больше внимания анализу капиталистического развития страны с акцентом на проблему торгового капитала и историю революционного движения. Следует также иметь в виду и тот факт, что взгляды Покровского постепенно изменялись. Для периодизации русского феодализма особого внимания заслуживает его статья, специально посвященная проблемам русского феодализма³⁴.

Иные подходы к периодизации можно найти в трудах Н. А. Рожкова, который, как и Покровский, закончил Московский университет и относится к кругу профессиональ-

стр. 129

ных историков. Главный труд Рожкова - это его 12-томная "Русская история в сравнительно-историческом освещении", выходящая в свет с 1918 по 1926 г., где события русской истории освещаются параллельно с историей других стран. В поступательном историческом процессе Рожков видит чередование органических и критических эпох, причем под первыми он понимает эволюционные, а под вторыми - революционные изменения. Обращаясь к истории Руси, он находит племенное общество у восточных славян в VI-X вв., феодальную революцию - в X - XIII вв., а русский феодализм как таковой - в период с XIII до середины XVI вв. Дворянскую революцию в России Рожков относит ко времени с середины XVI в. по 1725 г., а период дворянского господства датирует с 1725 г. по начало XIX в. Наконец, последний этап истории России, по Рожкову, - это буржуазно-демократическая революция и капитализм (1820 - 1917 гг.). Это была самостоятельная историческая схема, которая дополнялась весьма характерными для автора социологическими подходами³⁵. Одни тома у Рожкова посвящены зарубежной истории, другие - русской.

В послеоктябрьский период были и другие подходы к периодизации, в том числе и к периодизации русской общественной мысли. Один из них предложил профессор В. В. Сиповский, провозглашавший примат бытия над сознанием, но вместе с тем

подчеркивавший: "Итак, "ортодоксальный материализм", в лице его творцов и идеологов, не отрицает за "надстройками" роли факторов, воздействующих на жизнь"³⁶. Он признавал значение в русской истории христианства и, более того, писал о его решающей роли в истории русской интеллигенции. При этом он посчитал необходимым отметить, что "поворотным пунктом в истории нашего самосознания является Пушкин"³⁷. В 1920-х гг., когда, например, в Обществе историков-марксистов состояло около 345 членов, в СССР работали монархист академик С. Ф. Платонов, предложивший 3-звенную периодизацию Смуты, академик Ю. В. Готье, предложивший собственную периодизацию ранних периодов истории человечества вплоть до возникновения Древнерусского государства, член-корреспондент АН СССР А. В. Пресняков - сторонник позитивистской социологии, проявивший, однако, после 1917 г. интерес к российскому революционному движению. Отнюдь не были марксистами академики Д. М. Петрушевский (директор Института истории РАНИОН), Богословский и др. В 1920 - 1930-х гг. в стране выходили различные исторические журналы - "Историк-марксист", "Каторга и ссылка", "Борьба классов", "Исторический журнал", "Летопись революции", "Красная летопись", "Красный архив", "Кандальный звон" и пр., на страницах которых выступали самые разные авторы. Наряду с Институтом истории Коммунистической академии существовали Институт истории РАНИОН и Историко-археологический институт АН СССР, результатом объединения которых в 1936 г. стал Институт истории АН СССР.

О серьезных попытках унификации исторической науки в СССР можно говорить лишь с 1930-х гг. Связано это было и с известными партийными документами, где имелись и руководящие указания по периодизации истории³⁸, и с подготовкой к большой войне, и с серьезными внутренними изменениями в стране. Особое внимание обращалось на преподавание гражданской истории в школах и вузах. В связи с этим в 1934- 1935 гг. издавался журнал "История в средней школе", а в 1936 г. - журнал "История в школе", преемником которых уже в 1946 г. стал журнал "Преподавание истории в школе", издающийся до сих пор. Значительное внимание было уделено подготовке учебников и учебных пособий по гражданской истории и истории ВКП(б), где проводились соответствующие духу времени установки. В 1937 г. вышел "Краткий курс истории СССР" для начальной школы, подготовленный авторским коллективом под руководством видного историка-аграрника, участника декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Москве А. В. Шестакова. Свою лепту в унификацию исторических знаний внес и известный "Краткий курс истории ВКП(б)".

Однако, несмотря на все попытки создания твердых официальных схем, полной унификации в области периодизации истории достигнуть не удалось. В 1949 г. развернулась самая масштабная дискуссия по проблемам периодизации отечественной истории. Начало ей положили статьи К. В. Базилевича и Н. М. Дружинина, посвященные пе-

---

риодизации истории СССР периода феодализма и капитализма и опубликованные на страницах журнала "Вопросы истории"³⁹. Всего по проблемам периодизации в журнал поступило тогда из разных городов страны 30 статей, из которых 21 была опубликована. Состоялась специальная научная сессия в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б). Эти проблемы дебатировались также на научных заседаниях в Институте славяноведения АН СССР, в Институте истории АН СССР и его Ленинградском отделении. Дискуссия

получила резонанс в Болгарии, Чехословакии, Польше, причем ряд статей был переведен на иностранные языки. Ничего подобного не было в СССР ни раньше, ни позже.

К. В. Базилевич предложил свою периодизацию феодального периода истории России "по признаку развития производительных сил и производственных отношений"⁴⁰. Он предпринял попытку датировки начального этапа феодального периода, выделил в нем ряд внутренних этапов, отметив, например, систему феодальных полугосударств, обратил внимание на феодальную войну времен Василия Темного, определил в качестве переломного внутреннего рубежа 1480-е гг., подчеркнув их важную роль в образовании русского централизованного государства. Следующий период в истории России эпохи феодализма Базилевич датировал концом XV - концом XVII вв., характеризуя его как время зарождения и развития товарно-денежных отношений (денежная рента). С конца XVII в., по его мнению, берет начало "новый период" в истории России. Несколько менее подробно характеризовал Базилевич события XVIII в.

Дискуссия была очень оживленной, однако в марте 1950 г. Базилевич скончался и не смог подвести ее итоги и ответить своим оппонентам. Итоговую статью по периодизации феодального периода истории России опубликовали В. Т. Пашуто и Л. В. Черепнин⁴¹, не согласившиеся ни со схемой Базилевича, ни со схемой И. И. Смирнова⁴². Базилевичу они бросили, в частности, ряд упреков, подчеркнув, что тот фактически построил свою периодизацию, исходя из развития рентных отношений. При этом Пашуто и Черепнин предложили собственную периодизацию истории России эпохи феодализма, разбив ее на 3 периода: раннефеодальный (IX - начало XII вв.), период развитого феодализма (XII - начало XVII вв.) и период позднего феодализма (начало XVII в. - 1861 г.). Второй период они разделили также на 2 раздела, первый из которых состоял из шести, а второй из трех этапов. Третий период также делится на 2 раздела, но авторы статьи ограничились лишь его характеристиками без выделения каких-либо этапов⁴³.

Н. М. Дружинин выступил на этой дискуссии с постановочной и итоговой статьями. По его мнению процесс созревания капиталистического уклада (1760 - 1861 гг.) следует делить на три промежуточных периода: с 1760-х гг. до 1789 г., с 1790 по 1825 гг. и с 1826 по 1861 гг. В основу своего деления Дружинин положил сдвиги социально-экономического характера и особенности классовой борьбы, направленной против разлагающегося феодального строя⁴⁴. Эти же подходы он применил и к эпохе, наступившей после 1861 г., который он также разделил на 3 периода: с 1861 по 1882 гг., с 1883 по 1900 гг. и с 1901 по 1917 гг.⁴⁵. Важнейшим явлением первого пореформенного периода Дружинин считал замену принудительного труда свободным трудом в промышленности и сельском хозяйстве. Во второй период, по его мнению, фабрика окончательно победила мануфактуру, а в сельском хозяйстве капиталистическая система наемного труда стала преобладать над феодальными "отработками". Третий период - это период военно-феодального империализма. Автор обратил внимание и на возможность более дробного деления истории русского капитализма, демонстрируя его соответствующими конкретными примерами⁴⁶.

В итоговой статье Дружинин, с учетом всех высказанных мнений, ответил своим оппонентам и уточнил собственные позиции. Он остановился на важных проблемах "дробления" и "соединения" исторических периодов и подчеркнул, что "наибольшие споры развернулись вокруг вопроса, каким моментом следует датировать начало капиталистического уклада, т.е. того периода, когда феодальные производственные отношения стали "непреодолимой" преградой, оковами для развития производительных

сил и производственных отношений нового общества?"⁴⁷. По вопросу о дате возникновения капиталистического уклада, действительно, выявился огромный разброс мнений: одни называли XVII в., другие - начало XIX в., третьи, склонявшиеся к XVIII в., тоже не были абсолютно едины, выделяя середину столетия, 60-е гг., последнюю треть или конец XVIII в. Это было связано с другой острой дискуссией в советской исторической науке, начавшейся еще в 1947 - 1948 гг., о раннем или более позднем генезисе капитализма в России. Впоследствии первую точку зрения поддерживали А. А. Преображенский, Е. И. Индова, Ю. А. Тихонов, а вторую - И. Д. Ковальченко и Л. В. Милов, причем каждое из этих направлений имело достаточно широкий круг своих сторонников и противников.

Дружинин дал также ряд пояснений в пользу своей периодизации, подчеркнув: "Дискуссия показала, что сложная проблема периодизации истории СССР может быть разрешена только общими усилиями специалистов, изучающих различные общественные формации"⁴⁸. Собственно говоря, никто против формационного подхода в ходе дискуссии не выступал, им была пронизана заключительная редакционная статья журнала "Вопросы истории". В этой статье подводились общие итоги дискуссии: отмечались определенные достижения обмена мнениями, например, обсуждение принципов периодизации, стремление определить более крупные и более дробные периоды каждой формации, высказывания о генезисе феодализма и капитализма, выявление особенностей русского феодализма и капитализма. Отмечалось также, что IX-X вв. н.э. в истории славянских народов не были началом дофеодального периода, истоки которого могут быть отнесены к VII-VIII, а может быть, и к VI-VII вв.⁴⁹. Отмечался также отрыв отечественной истории от всемирной, названный крупным недостатком дискуссии. Примечательное единодушие было высказано разве только в том плане, что 1800 г. не может служить вехой между двумя этапами возникновения капиталистических отношений. Вместе с тем подчеркивалось, что лишь по некоторым из крупных вопросов истории страны "в процессе дискуссии наметились более или менее общие точки зрения". Речь шла о необходимости пересмотра существовавшей тогда периодизации, сложившейся в годы критики взглядов "школы Покровского", не отвечавшей потребностям научно-исследовательской работы и преподавания истории в средней и высшей школах⁵⁰. Дискуссия также убедительно показала, что общепринятая или широко принятая периодизация истории может быть лишь результатом научного компромисса, своеобразным общественным договором.

Данная дискуссия способствовала утверждению периодизации, реализованной при подготовке многотомников по всемирной истории и истории СССР, "Советской исторической энциклопедии", "Очерков истории исторической науки в СССР". Была отработана общая периодизация всемирно-исторического процесса, в соответствии с которой переход от рабовладельческого строя к феодальному имел место в V в., после падения Римской империи, а начало новой истории датировалось серединой XVII в., - временем после Английской революции. Наконец, новейшая история (понятие, вошедшее в употребление в XX в.) в соответствии с советской периодизацией начиналась с Октябрьской революции 1917 г. Но и после утверждения этой схемы разработка проблем периодизации и тесно связанных с ней вопросов методологии истории не прекратилась. Следует также отметить поиски в области методологии истории в трудах Б. Ф. Поршнева, предложившего использовать наряду с 5-звенной формационной системой 3-звенную М. А. Барга, Ю. И. Семенова и др. Нередко вносились поправки и сравнительно частного характера⁵¹.

В целом периодизация всемирной и отечественной истории на формационной основе к середине 1980-х гг. в основном оформилась. Но уже в годы перестройки, поначалу как бы невзначай, подспудно, ненавязчиво было предложено опробовать и другие подходы. Через несколько лет, буквально не успев оглянуться на содеянное, советская методология подверглась остракизму, порушена была в том числе и периодизация, буквально выстраданная советскими историками и, кстати, имевшая хождение, а нередко и понимание за рубежом. Была взята на вооружение книга К. Р. Поппера "Нищета ис-

стр. 132

торицизма", где объявлялась война не только формационному, но и любому другому стадийному и линейному подходу к истории⁵². Опомнились тогда, когда наступила чуть ли не полнейшая анархия и в методологии, и в периодизации.

Действительно, вначале был отмечен заметный поворот в сторону изучения цивилизационных подходов, который вполне мог быть объяснен потребностями исторической науки и желанием выйти из-под влияния одной методологии, хотя марксизм отнюдь не был чужд проблеме цивилизации как таковой⁵³, и к теории цивилизаций и цивилизационному подходу обратились исследователи, прежде известные своим формационным подходом⁵⁴. Один из них, А. Барг, отметив, что формационное объяснение "не может претендовать на глобальность и тем самым на "исчерпывающий" его характер", также подчеркивал: "Периодизация истории, базирующаяся на типологии цивилизации, рассматривает каждую цивилизацию как неповторимый культурно-исторический тип общества и привносит в понятие исторического прогресса элемент относительности"⁵⁵.

Но по мере применения цивилизационного подхода к периодизации всемирной и отечественной истории исследователи и методисты стали ощущать все новые и новые затруднения. Той четкости и определенности, которые наблюдались при формационном подходе, не получилось, и наиболее ищущие историки стали ощущать потребность в подлинно научных основах изучения исторического процесса. Это стало причиной проведения двух связанных между собой дискуссий. Первая из них касалась проблем методологии, вторая - периодизации всемирной истории. В обоих случаях особую роль сыграл журнал "Новая и новейшая история", где в 1994 г. была опубликована статья И. Н. Ионова - искреннего и убежденного "цивилизационщика", пришедшего к цивилизационным подходам отнюдь не по воле моды. Кстати, он стал автором учебника для средней школы, где попытался применить к истории России именно цивилизационный подход⁵⁶. Статья Ионова породила дискуссию в области методологии истории. В ней принял участие академик И. Д. Ковальченко, подчеркнувший, что "цивилизационный подход, интегрируя в себе другие подходы и методы исторического исследования, открывает широкие возможности для их углубления". В то же время он выступил за применение других подходов - *историко-ситуационного и историко-ретроспективного*⁵⁷. Ковальченко призвал к синтезу различных теорий, подходов и методов исследования и конкретных научных концепций. Участие в этой дискуссии приняли академик-юрист В. Н. Кудрявцев⁵⁸ и ряд других исследователей. К дискуссии тогда фактически примкнул и журнал "Вопросы истории"⁵⁹. Философы организовали "круглые столы" на эту тему, опубликовав соответствующие материалы и подчеркнув, что формационный подход сохраняет свои позиции в исторической науке⁶⁰. К подобным выводам они пришли и в ходе работы "круглого стола" в Институте философии РАН в конце 1995 г., результаты которого также были опубликованы в печати. В. Г. Федотова заявила там, что "стадийные характеристики, выражающие степень развития общества

или нахождение его на определенной стадии развития человечества, по-прежнему сохранились и признаны в мире". Таким образом, она взяла под защиту формационный подход, но отметила необходимость его дополнения подходом цивилизационным, подчеркнув при этом: "Методологической базой всемирной истории должен стать принцип единства стадиального и цивилизационного"⁶¹. С мнениями Федотовой и Ковальченко в основном согласились и другие участники "круглого стола" (В. Ф. Мамонов, К. А. Зуев, И. А. Желенина), констатирующие при этом кризис исторической науки и сложности с применением формационного подхода.

Если учесть, что наряду с трудами участников этой дискуссии продолжали выходить и специальные работы о формационном подходе⁶², то можно констатировать возникновение оригинальной ситуации, когда обществоведение как наука шло одним путем, а учебно-методическая литература, как правило, другим. Подтвердила это другая дискуссия, посвященная проблемам периодизации. Центральной в ней стала статья Б. Д. Козенко и Г. М. Садовой, где ее авторы категорически выступали как против призывов отказаться от периодизации вообще, так и от тезиса "сколько исследователей - столько периодизаций". Обращаясь к периодизации Новой и Новейшей истории, они

стр. 133

пришли к выводу, что три периода формационной истории почти полностью совпадают с тремя периодами развития мировой цивилизации. Начало первого из них - периода формирования капитализма и буржуазной цивилизации - датируется ими 1640 - 1649 гг., а конец - 1789 - 1815 гг. Второй период они располагают между 1815 и 1914 гг., называя его периодом победы и утверждения капитализма и начала перехода от стадии промышленного капитализма свободной конкуренции к империализму. Наконец, третий период они начинают с 1914 - 1923 гг., называя его периодом становления и расцвета современного капитализма и сосуществования его с социализмом, периодом кризиса мировой цивилизации⁶³.

Статья Козенко и Садовой в целом вызвала одобрение специалистов по всеобщей истории, хотя при ее обсуждении выявился и довольно значительный разброс мнений. Примечательны, например, выступления псковских историков, посвятивших этой проблеме специальный "круглый стол", где, в частности, началом Новейшей истории предлагалось считать окончание Первой мировой войны, т.е. 1918 г.⁶⁴ В целом дискуссия в журнале "Новая и новейшая история" (1993 - 1997 гг.) выявила 2 подхода ко времени начала Новейшей истории. Одни относили эту хронологическую грань к 1917 г., другие - к 1918 г. Эта разница всего в 1 год отражала разные методологические подходы и принципиальный характер дискуссии.

В учебной литературе сложилась более сложная и пестрая картина. В итоге в ходе обмена мнениями выявились 3 основные точки зрения по поводу начала Новой истории, который связывали либо с Английской революцией XVII в., либо с Великой Французской революцией, либо с Великими географическими открытиями и началом Реформации (конец XV - начало XVI в.)⁶⁵. Однако основная борьба развернулась вокруг датировки стыка Новой и Новейшей истории. Рекомендованный Министерством науки и образования учебник для вузов по Новой истории (1998) доводил изложение событий до окончания Первой мировой войны, т.е. до ноября 1918 г. А другой, тоже официально рекомендованный учебник по Новейшей истории стран Европы и Америки (2001 г.) начинался с изложения событий 1900 г. В учебнике по Новейшей истории для средних

школ А. А. Кредера (тираж 150 тыс. экз.!) за начало ее был взят 1914 г. С 1914 г. начинают Новейшее время и авторы учебника по истории славян (1998 г.), а в увидевшем свет в том же году учебном пособии видного специалиста по Новейшей истории Е. Ф. Язькова за начальную дату взят 1918 г. В учебнике по обществоведению перечень подобных "нестыковок" можно продолжать.

О 1917 г., как о начале Новейшей истории не говорится ни в одном современном учебнике по зарубежной истории, хотя его особая роль отмечалась и в дискуссии по периодизации, и в упоминавшейся уже монографии Ю. И. Семенова, предложившего свою периодизацию всемирной истории. Козенко и Садовая в упоминавшейся выше статье, говоря об Октябрьской революции, подчеркивали, что "всемирно-историческое значение этой революции не может быть оспорено"⁶⁶. Близок к ним по оценке этой революции и Язьков, отметивший: "Существовавшая с давних пор социалистическая идея, вновь выдвинутая в 1917 г. Октябрьской революцией, сыграла важнейшую роль в общественном прогрессе в XX в."⁶⁷. Отказ в учебных пособиях от 1917 г, как важной исторической грани объяснялся прежде всего разрушением СССР. Отказывались ныне и от важнейшей характеристики Новейшей истории как времени противостояния двух систем - капиталистической и социалистической. Последняя сохранилась в Китае, во Вьетнаме и на Кубе. Нельзя не заметить "покраснения" Латинской Америки. Так называемая четвертая консервативная волна, начавшаяся в мире в конце 1970-х гг. и связанная с именами М. Тэтчер, Р. Рейгана и Д. Буша-старшего, сменилась сначала либеральной, а сейчас и левой волной. Левая идея, пережив испытания 1980 - 1990-х гг., с начала XXI в. вновь заявила о себе, и эти изменения уже отражены не только в публицистике, но и в научной литературе. А. А. Галкин, например, даже утверждает, "что социальное и политическое поле приложения левых ценностей не только сохранилось, но в ряде случаев стало еще шире, чем прежде"⁶⁸. Во всяком случае главнейшая характеристика Новейшей истории как противостояния капитализма и социализма, домини-

стр. 134

ровавшая в советской литературе, отнюдь, не потеряла своей актуальности. И 1900, и 1914 гг. никак не подходят как даты начала этой эпохи, ибо никаких структурных изменений социально-экономического и политического плана они не принесли. Эти изменения начались после Первой мировой войны, когда пали четыре монархии, прямо повинные в ее начале и замененные рядом республик.

Говоря же о периодизации Новой и Новейшей истории, я считаю ее крайними датами 1649 и 1917 - 1918 гг. В свою очередь, ее можно разделить на 3 периода: первый - до 1789 г., второй - до 1870 и третий - до начала Новейшей истории. Новая история - это история победы и становления третьего сословия, т.е. буржуазии, и ее история - это история капитализма. Великие географические открытия и Реформация еще не привели к господству буржуазии. Нидерландская революция, прежде всего, являлась войной за независимость, и победа буржуазных отношений носила тогда, региональный характер. Другое дело - Английская революция XVII в., давшая сильнейший толчок всемирному промышленному развитию и выдвинувшая на передовые позиции Атлантическую цивилизацию, сменив тем самым Средиземноморскую, господствовавшую до этого на протяжении нескольких тысячелетий. Термин "капитализм", как бы его ни пытались изгнать из научного обихода, закрепился во всей мировой литературе⁶⁹. И Новейшая история - это период противостояния и сосуществования социализма и капитализма. При этом Новейшая история также может быть разделена на 3 периода: 1917(1918)-1945 гг.,

1945 - 1991 гг. и после 1991 г. Эти этапы понятны и не нуждаются в дополнительной характеристике, причем все они тесно связаны с историей нашей страны.

Относительно учебников и учебных пособий по истории Отечества отмечу их чрезвычайно большое число и не меньшую хронологическую пестроту. Наиболее распространенный из них "министерский" трехтомник отличается основательностью, но и для него характерна определенная хронологическая нестыковка. Уже в первом его издании 2-й том завершался условно событиями 1900 г., а 3-й фактически, начинался с 1917 г. Вообще в ряде учебников наметилась тенденция начинать Новейшую историю страны с 1900 г. В упоминавшемся учебнике Ионова изложение материала доводится до 1917 г., причем здесь применяются термины "Февральская революция" и "Октябрьский переворот". При этом автор нередко ссылается на Ленина, применившего по отношению к Октябрьской революции термин переворот, понимая под ним переворот не верхушечный, а революционный. Однако напомним, что Ленин уже днем 25 октября 1917 г. на заседании Петроградского совета заявил о том, что в России произошла революция, а на другой день в докладе о земле применил термин "вторая, Октябрьская революция"⁷¹. Замечу в этой связи, что попытка заменить термин "революция" термином "переворот" относилась к числу тех штампов, которые стремятся ныне навязать отечественной исторической науке. То же самое можно сказать относительно тезиса о двух тоталитаризмах, выдвинутого немецким экономистом В. Репке еще в 1945 г. в книге "Германский вопрос"⁷², хотя не кто иной, как Каудильо Ф. Франко, противопоставлял тоталитаризм коммунизму, а У. Черчилль в октябре 1939 г., т.е. после заключения советско-германского договора о ненападении 1939 г., говорил, что "лучше коммунизм, чем нацизм"⁷³.

Справедливости ради следует заметить, что не все учебники и учебные пособия тиражируют этот штамп. В пособии "История России", подготовленном в 1993 г. преподавателями Российской экономической академии им. Г. В. Плеханова, одна из трех его частей называется "Советский период в российской истории", и первый же ее раздел носит название "Октябрьская революция 1917 года в России: проблемы и оценки". Специальный раздел "Октябрьская революция и политика большевиков в первые годы советской власти" имеется и в пособии под редакцией В. В. Керова⁷⁴. Подобный раздел под названием "Октябрьская революция, ее особенности и историческое значение" имеется и в допущенном Министерством образования и науки учебнике для негуманитарных вузов под редакцией Л. И. Ольштынского, написанном с формационно-цивилизационных позиций⁷⁵.

стр. 135

Вне зависимости от оценки, Октябрьская революция была важным переломным этапом в истории России. В результате ее появилась другая страна, с другим названием, с другой социальной структурой и политическим устройством, с другой культурой, да и с другим народом. Все попытки представить советский период с черном свете вызывают прямое противодействие со стороны многих исследователей и методистов. Не случайно некоторые из них считают "революцию в России началом формирования нового типа цивилизации - цивилизации свободных тружеников и свободных народов"⁷⁶ или издают специальные книги о советской цивилизации⁷⁷.

С 1917 г., несомненно, следует начинать Новейшую историю России. Что касается ее Новой истории, то и тут среди историков существуют различные мнения. Историю победившего в России капитализма обычно начинают с 1861 г., хотя о действительной

победе капиталистических отношений можно говорить разве что с 90-х гг. XIX в. Не случайно такой крупный знаток русской экономики, как В. П. Воронцов, в своей работе 1882 г. "Судьбы капитализма в России" отрицал наличие русского капитализма, а в другой работе "Судьба капиталистической России", вышедшей в свет уже в 1907 г., вынужден был признать его наличие. Новая история России и история победившего в России капитализма - это не одно и то же. Интересно в данной связи вспомнить известную полемику Н. М. Дружинина с П. Г. Рынзюнским, который считал, что промышленному перевороту обязательно должен предшествовать переворот социальный, и посему относил его к периоду после 1861 г. Дружинин же, признавая приоритет социального переворота, подчеркивал, что это правило действует во всемирно-историческом плане, но Россия как страна догоняющего типа развития имела возможность использовать достижения более передовых стран еще на стадии феодализма. Поэтому он относил начало промышленного переворота в России к концу 30-х гг. XIX в.⁷⁸

Тот же подход можно применить и к началу Нового времени в России, причем и в этом случае убедительную точку отсчета найти очень нелегко. Факта появления наемного труда здесь явно недостаточно, ибо параллельно развивались и крепостнические отношения. Поэтому следует начинать не только с выявления элементов капиталистического уклада, но и с фактов заметного ограничения крепостничества. Павел I подписал указ о трехдневной барщине, но параллельно раздал 500 тыс. крестьян в частные руки. Он боролся с "духом времени" и даже запретил использовать такие слова, как гражданин, общество и т.п. При его сыне Александре I последовал указ о вольных хлебопашцах, прекратилась раздача населенных земель частным лицам, было запрещено жестокое обращение помещиков с крепостными. Сам император неоднократно призывал прислушиваться к "духу времени" и быть либералами. При этом сам первое время действительно был либералом на русском троне. Не случайно в послевоенное время в некоторых пособиях по истории СССР Новое время начинали с 1801 г. Заметное внимание этому уделяется в учебнике Ионова⁷⁹. Я также считаю, что Новое время в России - это период с 1801 по 1917 гг.

По поводу периодизации имеются и некоторые, на первый взгляд, частные замечания. Никак нельзя, допустим согласиться с утверждением о начале Второй мировой войны с 1 сентября 1939 г. Это был не одномоментный акт, а процесс, на что уже обращалось внимание в современной исторической литературе⁸⁰. Признавая дату 1 сентября 1939 г. мы фактически признаем равную ответственность за развязывание Второй мировой войны за фашистской Германией и за СССР. Но реалии были совсем другие. Война к этому времени действительно уже шла, о чем говорил, в частности, Сталин на XVIII съезде ВКП(б) 10 марта 1939 г.

Таким образом, пренебрежение к научной периодизации истории может завести нас очень далеко. Периодизация - это не излишество и не прихоть. Но искания последних 20 лет не всегда были плодотворными, порой они уводили от истины, хотя, на мой взгляд, показали, как основательно и глубоко были продуманы раньше отечественная периодизация и периодизация всемирно-исторического процесса. Наши историки должны набраться мужества и признать, что ничего более совершенного в области пе-

---

риодизации по сравнению с тем, что предложили в свое время советские исследователи, они пока не нашли.

Погоня за модой привела к слишком большим издержкам, в том числе и к исторической безответственности. Отечественная история, как отмечал Н. М. Карамзин, а до него М. В. Ломоносов, - особенно тонкая материя, играющая воспитательную роль и призванная формировать патриотов своей страны.

Примечания

¹ Фукидид. История. Т. 1. М., 1915. С. 16.

² См.: П л у т а р х . Сравнительные жизнеописания в трех томах. Т. I. М., 1961. С. 464 - 465; Письма Плиния Младшего. Письма I -X. М., 1984. С. 88; Л и в и й Т. Римская история от основания города. Т. 1 - 6. М., 1892- 1899; А п п и а н . Гражданские войны. Л., 1935; Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта. М., 1979. С. 189, 217; Г е р ь е В. И. Блаженный Августин. Ч. I. М., 1910.

³ С е м е н о в Ю. И. Философия истории. От истоков до наших дней: основные проблемы и концепции. М., 1999. С. 57 - 653.

⁴ К а с ь я н о в Э. И. К вопросу о всемирно-исторической концепции Оттона Фрейзингенского // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 2. Томск, 1964. С. 27.

⁵ С е м е н о в Ю. И. Указ. соч. С. 63.

⁶ См.: Б о д э н Ж. Метод легкого познания истории. М., 2000.

⁷ C u r r e n t R.N., W i l l i a m s T. H., F r e i d e l F. American History: A Survey. Fifth Edition. N. Y., 1979. P. 6 - 10.

⁸ См.: В и к о Д. Основания новой науки об общей природе наций. М., 1940.

⁹ С е м е н о в Ю. И. Указ. соч. С. 69.

¹⁰ Г е р д е р И. Г. Идеи к философии человечества. М., 1977. С. 8.

¹¹ В о л г и н В. П. Очерки истории социалистических идей. Первая половина XIX в. М., 1976. С. 145 - 219; З а с т е н к е р Н. Е. Очерки истории социалистической мысли. М., 1985. С. 225 - 243; К у ч е р е н к о Г. С. Сенсимонизм в общественной мысли XIX в. М., 1975.

¹² В о л г и н В. П. Указ. соч. С. 220.

¹³ С е м е н о в Ю. И. Указ. соч. С. 188.

¹⁴ См.: Н и к и ф о р о в В. Н. Восток и всемирная история. М., 1977.

¹⁵ М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч. Изд. 2. Т. 13. С. 5 - 9.

¹⁶ См.: H u n t i n g t o n S. Clash of Civilizations? // Foreign Affairs, Summer 1993.

¹⁷ См.: Т о й н б и А. Дж. Постижение истории. М., 1991.

- ¹⁸ К о л л и н г в у д Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 152 - 158.
- ¹⁹ См.: Т а т и щ е в В. Н. История Российская в 7 т. Т. 1 - 7; М.; Л., 1962 - 1968.
- ²⁰ К а р а м з и н Н. М. История государства Российского. Т. I. М., 1989. С. 14.
- ²¹ Там же. С. 21.
- ²² С о л о в ь е в С. М. История России с древнейших времен. Кн. I. Т. 1 - 2. М., 1988. С. 51.
- ²³ Там же. Кн. XVI. М., 1995. С. 309 - 310.
- ²⁴ К л ю ч е в с к и й В. О. Сочинения в 9 т. Т. 1. М., 1987. С. 50 - 51.
- ²⁵ Там же. С. 53.
- ²⁶ А л е к с а н д р о в В. А. Послесловие // К л ю ч е в с к и й В. О. Сочинения в 9 т. Т. 1. С. 368.
- ²⁷ К л ю ч е в с к и й В. О. Сочинения в 9 т. Т. 3. М., 1988. С. 5.
- ²⁸ См.: И л о в а й с к и й Д. И. //Новый энциклопедический словарь. Т. 19. СПб, б/г. С. 214 - 215.
- ²⁹ См.: К о л о с о в а Э. Исторические взгляды Д. И. Иловайского и Н. П. Барсукова. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук., М., 1975; Д у р н о в ц е в В. А., Б а ч и н и н А. Н. Ученый грызун: Дмитрий Иванович Иловайский // Историки России XVIII - начало XX века. М., 1996.
- ³⁰ С т е п н я к - К р а в ч и н с к и й С. М. Россия под властью царей. М., 1965. С. 44, 47 - 48.
- ³¹ П л е х а н о в Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. М., 1938. С. 138.
- ³² П л е х а н о в Г. В. Очерки по истории материализма. М., 1938. С. 136.
- ³³ См.: Н а й д е н о в М. Е. В. И. Ленин и отечественная история (формирование ленинской концепции русского исторического процесса) // История СССР. 1965. N 2; Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 3. М., 1963; Ростунов И. В. И. Ленин и военная история // Военно-исторический журнал. 1960. N 4; Сахаров А. М. В. И. Ленин о социально-экономическом развитии феодальной России // Вопросы истории. 1960. N 4; В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970; и др.
- ³⁴ П о к р о в с к и й М. О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России // Борьба классов. 1931. N 2.
- ³⁵ Р о ж к о в Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). Т. IV. Ч. I. Пг.; М., 1922. С. 5. См. также: В о л о б у е в О. В.

Н. А. Рожков - методист-историк // Ученые записки Московского областного педагогического института. Истфак. Т. 121. М., 1965.

³⁶ С и п о в с к и й В. В. Этапы русской мысли. Пг., 1924. С. 6.

³⁷ Там же. С. 11.

³⁸ См.: С т а л и н И., К и р о в С., Ж д а н о в А. Замечания о конспекте учебника новой истории; С т а л и н И. Об учебнике истории ВКП(б) // С т а л и н И. Соч. Т. 14, С. 44, 210 - 213.

стр. 137

---

³⁹ Б а з и л е в и ч К. В. Опыт периодизации истории СССР феодального периода // Вопросы истории. 1949. N 11. С. 65 - 90; Дружинин Н. М. О периодизации истории капиталистических отношений в России// Там же. С. 90 - 106.

⁴⁰ Б а з и л е в и ч К. В. Указ. соч. С. 89.

⁴¹ П а ш у т о В., Ч е р е п н и н Л. О периодизации истории России эпохи феодализма // Вопросы истории. 1951. N2.

⁴² См.: С м и р н о в И. И. Общие вопросы периодизации истории СССР // Вопросы истории. 1950. N 12.

⁴³ П а ш у т о В., Ч е р е п н и н Л. Указа, соч. С. 78 - 80.

⁴⁴ Д р у ж и н и н Н. М. Социально-экономическая история России. М., 1987. С. 152.

⁴⁵ Там же. С. 159.

⁴⁶ Там же. С. 166 - 167.

⁴⁷ Там же. С. 183.

⁴⁸ Там же. С. 200.

⁴⁹ Об итогах дискуссии о периодизации СССР // Вопросы истории. 1951. N 3. С. 56.

⁵⁰ Там же. С. 54.

⁵¹ См.: Ж у к о в Е. М. О периодизации всемирной истории//Вопросы истории. 1960. N 8;его же. Очерки методологии истории. М., 1980. Д ь я к о в В. А. Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974; Ж у к о в Е. М., Б а р г М. А., Ч е р н я к Е. Б., П а в л о в В. И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979; Периодизация всемирной истории. Уч. пособие. Казань, 1984; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Вариантность прошлого: методологические аспекты. М., 1989; Б. Г. Могильницкий. Введение в методологию истории. М., 1989; Поршнева Б. Ф. Периодизация всемирно-исторического прогресса у Гегеля и Маркса // Философские науки. Научные доклады высшей школы. N 2. М., 1969. С. 56 - 64; и др.

⁵² Р о р р е р К. The poverty of historicism. L., 1967; П о п п е р К. К. Нищета историцизма. М., 1993.

⁵³ См.: Цивилизация и культура в историческом процессе. М., 1983; Цивилизация как проблема исторического материализма. Ч. 1 - 3. М., 1983; Цивилизация и исторический процесс. М., 1983; Р е й с н е р Л. И. "Цивилизация" и "формация" в обществах Востока и Запада // Азия и Африка сегодня. 1984. N 6.

⁵⁴ Б а р г М. А. О категории "цивилизация" // Новая и новейшая история. 1990. N 5; Г у р е в и ч А. Я. Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии. 1990. N 11; Б р а г М. А. Категория "цивилизация" как метод сравнительно-исторического исследования (человеческое измерение) // История СССР. 1991. N 5. С. 70 - 85; Цивилизация. Вып. 1 - 2. М., 1992 - 1993; Е р а с о в Б. С. Проблемы теории цивилизаций // Новая и новейшая история. 1995. N 6. С. 181 - 187; Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000; и др.

⁵⁵ Б а р г М. Цивилизационный подход к истории // Коммунист. 1991. N 3. С. 29 - 35.

⁵⁶ См.: И о н о в И. Н. Теория цивилизаций: этапы становления и развития // Новая и новейшая история. 1994. N 4 - 5; е г о ж е . Российская цивилизация IX - начало XX века: Учебник для 10 - 11 классов общеобразовательных учреждений. Изд. 4. М., 2001. См. также: его же. Россия и современная цивилизация // Отечественная история. 1992, N 4. С. 62 - 72.

⁵⁷ К о в а л ь ч е н к о И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. N 1. С. 31 - 32.

⁵⁸ См.: К у д р я в ц е в В. Н. Об особенностях методологии социальных и гуманитарных наук // Новая и новейшая история. 1995. N 3.

⁵⁹ См.: Л а н д а Р. Г. Восток: цивилизация, формация, социум // Вопросы истории. 1995. N 4; Ч е р н я к Е. Б. История и логика (структура исторических категорий) // Вопросы истории. 1995. N 10.

⁶⁰ См.: Актуальные проблемы теории истории // Вопросы философии. 1994. N 6.

⁶¹ Ф е д о т о в а В. Г. Методология истории сегодня // Новая и новейшая история. 1996. N 6. С. 60 - 61.

⁶² См.: И н о з е м ц е в В. Очерки истории экономической общественной формации. М., 1996; Г о б о з о в И. А. Введение в философию истории. Изд. 2. М., 1999; С е м е н о в Ю. И. Указ. соч.; К о л о м и й ц е в В. Ф. Методология истории (от источника к исследованию). М., 2001.

⁶³ К о з е н к о Б. Д., С а д о в а я Г. М. О периодизации Новой и Новейшей истории в свете современных трактовок // Новая и новейшая история. 1993. N 4. С. 96.

⁶⁴ См.: Новая и новейшая история. 1995. N 1. С. 77 - 84.

⁶⁵ См.: Я з ь к о в Е. Ф. История стран Европы и Америки в Новейшее время (1918 - 1945). Курс лекций. М., 1998. С. 7.

⁶⁶ К о з е н к о Б. Д., С а д о в а я Г. М. Указ. соч. С. 94.

⁶⁷ Я з ь к о в Е. Ф. Указ. соч. С. 26.

⁶⁸ См.: Г а л к и н А. А. Пути и перепутья левой идеи // Новая и новейшая история. 2006. N 4. С. 49.

⁶⁹ См.: Б р о д е л ь Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1993; С о р о с Д. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., 1999; Л у ж к о в Ю. Развитие капитализма в России. 100 лет спустя. М., 2005.

⁷⁰ Б у г а н о в В. И., З ы р я н о в П. Н. История России Конец XVII-XIX век. Учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений. М., 1995; Д м и т р е н к о В. П., Е с а к о в В. Д., Ш е с т а к о в В. А. История Отечества. XX век. Уч. пособие для общеобразовательных учебных заведений. 11 класс. М., 1995. Для сравнения см.: П р е о б р а ж е н с к и й А. А., Р ы б а к о в Б. А. История России. Учебник для 6 - 7 классов общеобразовательных учреждений. М., 1997; Д а н и л о в Д. Д., П а в л о в а Н. С., Р о г о ж к и н В. А. Российская история Нового времени. XVI-XVIII век. 7 кл. М., 2002 и др.

⁷¹ Л е н и н В. И. ПСС. Т. 35. С. 14 - 27.

стр. 138

---

⁷² См.: А б у ш А. Ложный путь одной нации. К пониманию германской истории. М., 1962. С. 284.

⁷³ См.: Р ж е ш е в с к и й О. Знали: отступить придется //Поиск. 16 июня 2006. N 24 (890). С. 16.

⁷⁴ Краткий курс истории России с древнейших времен до начала XXI века. / Под ред. В. В. К е р о в а. М., 2004. С. 587 - 602.

⁷⁵ Курс отечественной истории IX-XX веков. Основные этапы и особенности развития российского общества в мировом историческом процессе. // Под ред. Л. И. О л ь ш т ы н с к о г о. М., 2005. С. 254 - 274.

⁷⁶ Там же. С. 271.

⁷⁷ См., напр.: К а р а - М у р з а С. Советская цивилизация. Кн. 1 - 2. М., 2001.

⁷⁸ Р ы н д з ю н с к и й П. Г. Вопросы истории русской промышленности в XIX в. // История СССР. 1972. N 5. С. 40 - 58; е г о ж е . Мануфактура и фабрика в экономической истории России XIX века (Ответ академику Н. М. Дружинину) // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Серия общественных наук. 1975. N 1. С. 30 - 36; Д р у ж и н и н Н. М. К вопросу о генезисе капитализма в России // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Серия общественных наук. 1974. N 1. С. 3 - 13; его же. Еще раз о дореформенной промышленности России (Ответ П. Г. Рындзюнскому) // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Серия общественных наук. 1976. N 2. С. 19 - 33.

⁷⁹ И о н о в И. Н. Российская цивилизация. С. 202 - 206.

⁸⁰ См.: Г р о с у л В. Я. Научный или "судебный" подход к истории? // Отечественная история. 2002. № 3. С. 19; Б а н д у р а Ю. Н. Вторая мировая: о какой войне идет речь // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 172 - 174; [Н и к и ф о р о в Ю. А.] Война и миф // Поиск. 2006. 22 сентября. № 38 (904). С. 14.

стр. 139

постоянный адрес статьи: <http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/12163855>